

## СЕРИЯ «ДИАЛОГ»

---

В серию входят книги (монографии, учебники, хрестоматии) по межрелигиозному и межконфессиональному диалогу. Здесь представлены исторические исследования взаимоотношений религий и конфессий в культурной, социальной и богословской сферах, хрестоматии и сборники документов конкретных переговоров, а также другие исследования и пособия, относящиеся к различным аспектам богословия диалога.

---



---

ДИАЛОГ

---

Мартин Аффольдербах • Алексей Бодров •  
Фолькер Майснер • Хамидех Мохагеги •  
Андреас Ренц (ред.)

# ХРИСТИАНСКО-ИСЛАМСКИЙ ДИАЛОГ

Хрестоматия

ИЗДАТЕЛЬСТВО



МОСКВА

ББК 86.376  
УДК 230.111 / 227.12  
Х 935

*Перевод:* Андрей Данилов  
*Редактор:* Алексей Бодров

Перевод части немецкого издания  
*Handbuch christlich-islamischer Dialog* by Volker Meißner,  
Martin Affolderbach, Hamideh Mohagheghi, Andreas Renz (Hg.)  
публикуется с согласия *Georges-Anawati-Stiftung*

**Христианско-исламский диалог. Хрестоматия** / Под ред. Мартина Аффольдербаха, Алексея Бодрова, Фолькера Майснера, Хамидех Мохагеги и Андреаса Ренца (Серия «Диалог») — М.: Издательство ББИ, 2018. — 402 с.

ISBN 978-5-89647-361-9

Основной вопрос этой книги: как в условиях культурно и религиозно плюралистического современного общества христианская и мусульманская общины могут находить успешные формы мирного сосуществования? Как говорить об общем и разном, например, в религиозном воспитании и образовании, чтобы формирование собственной идентичности происходило не за счет подавления другой, а открывало ценность многообразия? Авторы хрестоматии видят свою задачу в том, чтобы обобщить и закрепить актуальный опыт и знания, полученные в ходе христианско-мусульманского диалога, и сделать их доступными для максимально широкого круга читателей.

*Верстка:* Татьяна Дурнова  
*Обложка:* Антон Бизяев

В оформлении обложки использована фотография церкви св. Николая в Ханье на о. Крит, любезно предоставленная Рюдигером Ноллем (Rüdiger Noll, Берлин).

*Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети Интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.*

© Verlag Herder GmbH, Freiburg im Breisgau 2014  
© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2018  
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316, Россия  
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

# Содержание

Друзья, партнеры, враги? Предисловие к русскому изданию <i>Алексей Бодров</i> .....	vii
Из предисловия к немецкому изданию .....	xxiii
1. Основоположения.....	1
Подходы к христианско-исламскому диалогу ...	
1.1 ... с католической точки зрения <i>Андреас Ренц</i> .....	3
1.2 ... с протестантской точки зрения <i>Мартин Аффельдербах</i> .....	11
1.3 ... с мусульманской точки зрения <i>Хамидех Мохазеги</i> .....	20
1.4 ... с православной точки зрения <i>Ассаад Эмияс Каттан</i> .....	32
1.5 ... с алавитской точки зрения <i>Измаил Каплан</i> .....	40
1.6 ... с обществоведческой и политологической точки зрения <i>Фриц Эрих Анхельм</i> .....	48
1.7 ... с юридической точки зрения <i>Буркхард Гунтау</i> .....	58
1.8 ... с религиоведческой точки зрения <i>Ина Вунн</i> .....	67
1.9 ... с точки зрения эмпирического исследования религии <i>Гритт Клинкхаммер</i> .....	77
2. Темы .....	85
2.1 Исток и цель: Бог как Творец и судья <i>Дирк Анзорге / Хамидех Мохазеги</i> .....	87
2.2 «Слово Божье» в истории: Библия и Коран <i>Ганс Циркер / Мохаммад Гарайбех</i> .....	102
2.3 Прообраз веры: Авраам как общий праотец <i>Ульрике Бехман / Маха эль-Кайзи-Фримут</i> .....	113
2.4 Иисус: пророк или Сын Божий? <i>Вольфганг Райнбольд / Хамидех Мохазеги</i> .....	126
2.5 Мухаммед: образец для мусульман – вопрос к христианам <i>Туба Ишик / Клаус фон Штош</i> .....	136
2.6 Наместник Божий: достоинство и задача человека <i>Муна Татари / Андреас Ренц</i> .....	146

2.7	Справедлив и милосерден? Вера в Бога перед лицом страдания <i>Джамеледдин бен Абдулжелил / Аня Миддельбек-Варвик</i> ..158	158
2.8	Ответственность за жизнь: основания этики <i>Гансйорг Шмид / Юлия Рахман</i> .....167	167
2.9	Жизнь в свободе и достоинстве: права человека <i>Мартин Аффольдербах / Хамидех Мохагеги</i> .....181	181
2.10	Установить справедливость, покончить с несправедливостью: мир и насилие <i>Дирк Радемахер / Саид аль Дайлами</i> .....194	194
2.11	Партнерство, супружество и семья <i>Арнхольф фон Шелиха / Халима Краузен</i> .....208	208
2.12	Никто не верует сам по себе: церковь и умма <i>Бернд Йохен Хильберат / Махмуд Абдалла</i> .....221	221
2.13	Вместе пред Богом: молитва и духовность <i>Тобиас Шпекер / Эركان Караююн</i> .....232	232
2.14	Свидетельствовать о вере: к соотношению диалога и миссии <i>Детлеф Герриг / Сайед Аббас Хосейни Гэммагами</i> .....243	243
2.15	На что мы надеемся? Спасение в земном и потустороннем мире <i>Йоахим Валентин / Хамидех Мохагеги</i> .....254	254

#### Приложение к русскому изданию

Загадки Книги. История и современность <i>Сулейман Мурад</i> .....267	267
Православно-мусульманские отношения в России <i>Доминик Рубин</i> .....312	312

Список сокращений.....	353
Библиография.....	355
Предметный указатель.....	367
Редакторы книги.....	376
Авторы.....	376

# Друзья, партнеры, враги?

## Предисловие к русскому изданию

В эпоху, когда различия между народами, религиями и конфессиями подчеркиваются столь чрезмерно, что это начинает угрожать всеобщему миру, особое значение приобретает поиск твердых оснований для экуменического богословия. Я могу только повторить: нет мира между народами без мира между религиями и конфессиями. Мира между религиями и конфессиями не будет, если не будет партнерского диалога. А диалог невозможен без твердой научной базы.

*Ганс Кюнз*

Когда недавно в России обсуждалось введение нового праздника, Дня крещения Руси, российские мусульмане немедленно предложили отмечать также и мусульманский праздник. Действительно, ислам пришел на современную российскую территорию задолго до православия. Первая мечеть была построена в Дербенте в 642 году, а в 922 году Волжская Булгария приняла ислам как государственную религию – до крещения Руси в 988 году. Ислам – традиционная религия в России с более чем 1350-летней историей, так что многие местные мусульмане предпочитают говорить о российском исламе, а не об исламе в России. Для них Россия – мусульманская страна с ее традиционной религией и примерно 20 миллионами приверженцев.

Православие и ислам сосуществуют в этом регионе уже много столетий, влияя друг на друга и соревнуясь друг с другом. Это как минимум в два раза дольше, чем на Балканах – другом европейском регионе, где существует долгая традиция взаимодействия двух мировых религий. Завоевание Казани Иваном Грозным в 1552 году, когда большой мусульманский регион вошел в состав тогдашнего Русского царства, стало началом нового периода взаимодействия двух культурных традиций и их отношений с государством.

Анастасий Яннулатос, архиепископ Албании, выделил в истории Византии и современной Европы пять периодов православно-

мусульманского диалога, которые включают и периоды конфликта, и периоды мирного сосуществования<sup>1</sup>. Изначально, в VIII–IX веках, отношение византийцев к исламу было в основном «насмешливо-пренебрежительным». С IX по XIV век, по мере того как византийцы начали воспринимать ислам как серьезную угрозу их империи, появляется враждебность. XIV–XV века были периодом некоторой «мягкости и объективности» с большим интересом и желанием диалога с мусульманами. Под оттоманским правлением, в XV–XIX веках, наступил период молчания (со стороны христиан) и монолога (со стороны турков). В настоящее время в христианско-исламский диалог вовлекаются все более широкие круги специалистов, церковных и мусульманских организаций. II Ватиканский собор и межрелигиозный диалог во Всемирном совете церквей принесли более глубокое понимание и уважение к мусульманской традиции и духовности.

И в российской истории и современности мы можем обнаружить похожие типы диалога, часто существующие одновременно. По-прежнему есть люди с пренебрежительным отношением к исламу, другие не доверяют мусульманам и боятся их. После присоединения мусульманских территорий Поволжья к Руси в XVI веке поначалу не было активного взаимодействия ислама с государством. Но уже в начале XVIII века Петр I пытался принудительно ассимилировать мусульманские общины, тогда были случаи принудительного крещения и разрушения мечетей. Екатерина II вела толерантную политику и основала в 1788 году Магометанское духовное собрание, дав мусульманам, таким образом, возможность политического существования<sup>2</sup>. После этого целый ряд исследователей работали над историей ислама в России, что способствовало его лучшему пониманию и принятию. Кажется, что на русском языке существует

---

<sup>1</sup> Archbishop Anastasios (Yannoulatos), "Dialogue with Islam from an Orthodox Point of View", in: *Facing the World. Orthodox Christian Essays on Global Concerns* (Trans. Pavlos Gottfried), St. Vladimir's Seminary Press, Crestwood 2003, p. 103-126.

<sup>2</sup> Ксавье Ле Торривеллек, «Состояние и особенности "российского ислама"», в: *Записка Аналитического центра Обсерво*, №4, октябрь 2013.



больше переводов Корана, чем Библии. Часто православно-мусульманский диалог в России описывается как «межконфессиональный», и на религиозно-политическом уровне он выглядит куда более успешным, чем диалог с католиками и протестантами. Видимо, диалог «восток-восток» идет гораздо легче, чем диалог «восток-запад», несмотря на большие религиозные различия.

## Ислам в России

В современной России есть несколько регионов, где мусульмане составляют большинство или значительное меньшинство. Это прежде всего Поволжье, где живут татары и башкиры, и Северный Кавказ с многочисленными традиционно мусульманскими народами. Средняя Азия, третий преимущественно мусульманский регион, была частью Советского Союза, и сейчас оттуда в европейскую часть России прибывают многочисленные трудовые мигранты, обогащая и усложняя ее религиозно-этнический пейзаж. Эксперты говорят о нескольких миллионах мигрантов, которые концентрируются в больших городах. Только в Москве живет около двух миллионов мусульман, делая ее городом с крупнейшим мусульманским населением в Европе (за исключением Стамбула).

Сложно сказать, сколько мусульман или православных живет в России. Официальной статистики религиозной принадлежности не существует, так что опираться можно лишь на косвенные данные. Русская православная церковь говорит о 120 миллионах православных в России при общем населении около 150 миллионов. Мусульманские лидеры говорят о 20 миллионах приверженцев ислама. Здесь речь, конечно, идет не о верующих, а об этнической или культурной принадлежности. Реальные цифры гораздо скромнее. Россия очень секулярная страна. Число верующих, регулярно посещающих церкви или мечети, не превышает нескольких процентов населения<sup>3</sup>.

---

<sup>3</sup> Ежегодно публикуемые данные московской полиции о числе посещающих пасхальные богослужения в Москве дают около 3% населения, а рождественские богослужения посещают менее 2% населения.

Различные экспертные оценки говорят, что в России проживают около 15 миллионов традиционных мусульманских народностей, т. е. около 10% населения. К этому нужно добавить несколько миллионов мигрантов из Средней Азии и других регионов. Социологические опросы обычно показывают, что люди, которые определяют себя как мусульмане, составляют около 5% населения. Количество религиозно активных мусульман, конечно, значительно ниже.

Как бы мы ни интерпретировали эти цифры, несомненно, что православие и ислам – две основные религии в России. Обе соревнуются за поддержку государства, обе претендуют на то, что они важная часть национальной традиции и культуры, и, как таковые, они могут служить надежными партнерами государства и основанием его идеологии. От руководства Русской православной церкви мы часто слышим о русском мире, православной цивилизации и традиционных (православных?) ценностях. Мусульманские лидеры следуют той же модели, хотя и с меньшим успехом из-за фрагментации российского ислама. По удачному выражению Алексея Малашенко, православие, ислам и государство в России образуют своеобразный «триалог»<sup>4</sup>, который представляется важным для всех участвующих сторон.

В отличие от российского православия, которое централизовано в большой степени и представлено Московским патриархатом, российский ислам раздроблен и представлен множеством национальных и региональных объединений, что создает много проблем для его сотрудничества с государством. В то время как Московский патриархат старается представить яркий образ мощной церковной структуры, подходящей мощному государству, конкурирующим мусульманским лидерам это сделать не удастся из-за традиционной децентрализации ислама. Многие попытки российских царей и позднейших властных структур создать централизованную мусульманскую организацию наподобие РПЦ (своего рода «русскую мусульманскую церковь») не увенчались успехом, оставив после себя названия вроде «Московская соборная мечеть».

Большая часть из нескольких десятков независимых духовных управлений мусульман (ДУМ) объединены в три большие централи-

---

<sup>4</sup> Алексей Малашенко, *Ислам для России*, М., 2007, с. 125.

зованные организации: *Центральное духовное управление мусульман России* во главе с верховным муфтием Талгатом Таджуддином, которое базируется в Уфе, *Духовное управление мусульман Российской Федерации* (тесно связанное с *Советом муфтиев России*), возглавляемое муфтием Равилем Гайнутдином, в Москве и *Координационный центр мусульман Северного Кавказа* с муфтием Исмаилом Бердиевым. Ни одну из этих организаций нельзя назвать безусловным лидером, часто они конкурируют или даже конфликтуют друг с другом.

Институциональную раздробленность российского ислама усиливают и языковые разделения - хотя основным языком ислама в России остается русский (с включением православных терминов вроде «рождество» (в отношении пророка Мухаммеда), «каноническое единство» (муфтиятов), халифат «Святая Русь», уже упомянутой «соборной мечети» и т.п.), во многих регионах используются местные языки, и языковая практика отражает политические и идеологические склонности мусульман и их лидеров<sup>5</sup>.

Большинство российских мусульман – сунниты, 65% из них – ханафиты (башкиры и татары) и 20-30% шафииты (Чечня, Ингушетия и Дагестан). Шииты (менее 3%) – это в основном азербайджанцы, живущие в России. В некоторых регионах Северного Кавказа *этнические* мусульмане составляют подавляющее большинство: 98% в Ингушетии, 96% в Чечне, 94% в Дагестане, около 70% в Кабардино-Балкарии и около 60% в Карачаево-Черкесии. Большинством они являются и в Поволжье: 55-60% в Башкортостане и 50-54% в Татарстане<sup>6</sup>. Социологические опросы показывают, что 10-15% этнических мусульман не исповедуют ислам и относят себя к другим религиям, в основном к православию; 70% татар называют себя мусульманами, но более половины из них не выполняют религиозные обряды и не ходят в мечети.

Современный российский ислам, с неизбежными упрощениями, можно разделить на традиционалистов, модернистов и радикалов<sup>7</sup>.

---

<sup>5</sup> Alfrid Bustanov and Michael Kemper, "Russia's Islam and Orthodoxy beyond the Institutions: Languages of Conversion, Competition and Convergence", *Islam and Christian-Muslim Relations*, 28 (2017), p. 132.

<sup>6</sup> Р. Силантьев, *Новейшая история исламского сообщества России*, М., 2005, с. 149.

<sup>7</sup> Ксавье Ле Торривеллек, *Состояние и особенности «российского ислама»*.

Традиционалисты представляют «народный» ислам, основанный на этнических культурных традициях и местных языках. Часто это люди старшего поколения, с сильными семейными привязанностями и традициями, живущие вне больших городов. Обычно они весьма лояльны к государственным властям и РПЦ. В целом они не очень религиозны.

Модернисты, или реформаторы, вышли из традиционного народного ислама, который перестал их удовлетворять. Их привлекает более активная и личностная религия. Это более молодые и образованные люди, живущие в больших городах. Они придерживаются либеральных ценностей и симпатизируют западной модели европейского ислама. Часто такие мусульмане критически относятся к государственным властям – как местным, так и федеральным – и к РПЦ. Они более религиозны, и их религиозность имеет интеллектуальный характер.

Радикалы, или фундаменталисты, хотят очистить ислам как от народной традиционности, так и от западных влияний. Для них очень важны религиозные идентичность и самоутверждение. Обычно это молодые люди, часто неопиты или обращенные из другой религии (главным образом православия). Они настаивают на следовании «истинному» исламу и радикально отделяют себя от традиционной религиозности. Радикалы чрезвычайно религиозны и очень критичны к властям и к РПЦ. Многие из них находятся под сильным влиянием салафизма. Неудивительно, что их сразу причисляют к исламистам, приверженцам Талибана и террористам. И эти обвинения идут не только со стороны государственной власти или РПЦ, но и со стороны других мусульман, что подталкивает их к дальнейшей радикализации.

В Поволжье традиционный ислам занимает доминирующие позиции. Межрелигиозный диалог и сотрудничество с местными и федеральными властями там стабильны и позитивны. Местные власти контролируют религиозную ситуацию и используют ее в своих интересах в тесном сотрудничестве с федеральными властями. Влияние модернистов здесь невелико и ограничено интеллектуальными кругами, хотя оно может со временем расти.

Совсем иная ситуация на Северном Кавказе. Здесь сильны позиции радикального ислама, местным властям необходима поддержка

со стороны религиозных лидеров, и, соответственно, последние могут использовать власти в своих интересах. Ситуацию здесь нельзя назвать стабильной, и часто мы наблюдаем открытую конфронтацию между двумя ветвями ислама – салафизмом и традиционным суфизмом. Некоторые влиятельные мусульманские лидеры и богословы были убиты в результате этой борьбы, и, к сожалению, она часто выходит за пределы региона. Известные проблемы с коррупцией, бедность и репрессивная политика как местных, так и федеральных властей вызывают дальнейшую радикализацию и распространение радикального ислама в других регионах России. Террористические атаки в Волгограде, Казани, Санкт-Петербурге, Москве показывают опасность такого развития.

Другую проблему составляют внешние влияния. Многие муфтии и молодые мусульмане получают образование за рубежом, и это не приветствуется традиционалистами. Здесь растет взаимное недоверие и конфликт традиций. Особенно опасными считаются влияния со стороны различных исламистских движений. Иностранцам муфтиям обычно не разрешается служить в России. Государство хочет контролировать ислам в России и поддерживает традиционных лояльных мусульманских лидеров в их борьбе против радикального ислама и иностранных влияний. Отчасти эта ситуация напоминает борьбу РПЦ против иностранных миссионеров.

События Арабской весны и последовавшая война в Сирии, конечно, серьезно повлияли на ислам в России. Успех исламистских движений в революционных процессах во многих арабских странах вдохновил значительное число модернистов и радикалов и, так или иначе, затронул все мусульманское население России. Алексей Малашенко считает, что отношение Кремля к иностранным исламистам зависит от их отношения к ключевым вопросам, важным для России. Он пишет:

У исламистов и архитекторов российской государственной идеологии есть общая черта: идентичность, построенная на основе антизападных настроений. И исламисты, и Русская православная церковь подчеркивают, что их понимание демократии и прав человека отличается от западной интерпретации. Исламистские радикалы, особенно салафиты,

отвергают принципы демократии, и их можно сравнить с православными фундаменталистами, которые призывают к возврату к идеализированному общинному духу и хотят оживить «Православную Русь» как матрицу государства. Здесь есть неожиданные параллели с идеей исламского государства.

Но маловероятно, что эти параллели приведут когда-либо к союзу России и исламистов. В самом деле, Россия отвергает салафитов, многие из которых составляют ведущую силу исламской оппозиции на Кавказе. Но взаимное уважение и понимание между ними вполне возможны. Уже опубликованы несколько книг, посвященных идее объединения России и мусульманского мира и исламизации России<sup>8</sup>.

Проблема государства в этом триалоге с православием и исламом состоит в раздробленности российского ислама с его многими конфликтующими партиями. Например, Совет муфтиев России более толерантен к международному исламу и модернистам, чем Центральное духовное управление мусульман России, и за это он часто критикуется последним. Государство хочет контролировать ситуацию и ожидает лояльности со стороны мусульманских лидеров. Это включает различные социальные и образовательные проекты, но, прежде всего, контроль над иностранными контактами, чтобы избежать иностранных влияний. Государство хотело бы иметь дело с централизованным исламом, но в то же время ему не нужен сильный единый партнер – отсутствие организационного единства помогает государству манипулировать различными группами мусульман<sup>9</sup>.

Даже традиционалисты вовсе не едины. Если Талгат Таджуддин (ЦДУМР) абсолютно лоялен государству и РПЦ, то есть много традиционных мусульман (некоторые эксперты называют их «неотрадиционалистами»), которые предпочитают дистанцироваться от государства и имеют свои собственные политические интересы. Вполне возможно, что для них сотрудничество с другими группами мусульман и международным исламом важнее, чем лояльность вла-

---

<sup>8</sup> Alexey Malashenko, *Russia and the Arab Spring*, Carnegie Moscow Center, 2013, p. 7.

<sup>9</sup> Алексей Малащенко, *Ислам для России*, с. 96.

стям<sup>10</sup>. С другой стороны, отказ властей от сотрудничества с любой мусульманской оппозицией, которая не согласна с консервативными традиционалистами, не представляется мудрой позицией. Они представляют различные группы мусульман, и стигматизация их как фундаменталистов, ваххабитов и потенциальных террористов лишь усиливает их радикализацию и антироссийские настроения. Это особенно относится к Северному Кавказу.

## Восприятие православными ислама в России

Каково отношение православных к исламу в России? Ответ сильно зависит от того, каких православных мы имеем в виду. Руководство РПЦ в официальных заявлениях всегда подчеркивает долгое и мирное сосуществование и сотрудничество мусульман и православных как в регионах, где православные составляют большинство, так и там, где большинство составляют мусульмане<sup>11</sup>. Здесь православные и мусульмане образуют единый фронт для борьбы с «общим врагом»: западными влияниями, разрушением традиционных ценностей, секуляризмом, религиозным радикализмом, исламом и т. д. Союз легко достигается на фундаменталистской почве, например в преподавании креационизма в средних школах<sup>12</sup>.

Вот несколько цитат из беседы между митрополитом Иларионом, председателем Отдела внешних церковных связей РПЦ, и известным муфтием Фаридом Салманом (ЦДУМ):

МИ: Мы [православные и мусульмане] в России на протяжении веков жили и продолжаем жить в мире и согласии. ... Мы видим эту необъявленную войну против традиционного ислама у нас на Северном

<sup>10</sup> Алексей Малашенко, *Ислам для России*, с. 120-121.

<sup>11</sup> За пределами России сейчас насчитывается 13 епархий РПЦ в бывших «мусульманских» республиках СССР: 9 в Казахстане, 3 в Средней Азии и Бакинская.

<sup>12</sup> «Мэр Казани Ильсур Метшин предлагает отменить преподавание теории Дарвина в школах», *Радио «Эхо Москвы»*, 23 августа 2014, доступно на: <http://echo.msk.ru/news/1385699-echo.html>

Кавказе, мы видим необъявленную, но масштабную войну против христианства на Ближнем Востоке. Мы понимаем, что в основе этого лежит одно и то же явление – религиозная нетерпимость. ... Этот радикализм, к сожалению, иначе как общими усилиями государственной власти и традиционных конфессий, преодолеть нельзя.

ФС: Только государство в союзе с традиционными религиозными институтами может исправить ситуацию. ... Россия – это последний оплот межрелигиозного мира. Традиционные конфессии России – это именно тот союз, который не дает покоя многим за пределами нашей страны. ... Единственное, что может в данной ситуации сблизить христиан и мусульман, – это стратегический союз православия и правоверного ислама в России<sup>13</sup>.

Их фразеология практически идентична. Они почти повторяют друг друга. А вот слова патриарха Кирилла:

Сегодня мы сидим за одним столом – и православные, и мусульмане – не чувствуя никаких различий, никаких средостений. Мы сознаем себя как один народ пред лицом Божиим. И если так будет на Северном Кавказе, то никакого терроризма не будет<sup>14</sup>.

Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир соединяет восхваление исторического единства ислама и православия с критикой Запада:

На протяжении веков многократно возникали тяжелейшие конфликты между мусульманами и римо-католиками, несторианами, а затем и протестантами. Однако исследователи, умеющие отделять религию от политики, могут засвидетельствовать: на всем протяжении истории между Исламом и Православием конфликтов не возникало никогда. ... Лишь в недавнее время, под влиянием экстремист-

---

<sup>13</sup> «Митрополит Иларийон: радикализм, прикрывающийся религиозными лозунгами, можно победить лишь общими усилиями традиционных конфессий и государственной власти», *Сайт Московского патриархата*, 9 декабря 2012, доступно на: <https://mospat.ru/ru/2012/12/09/news77480/>

<sup>14</sup> «Патриарх Кирилл: православные и мусульмане – единый народ перед Богом», *Исламский информационный портал*, 28 января 2013, доступно на: <http://islam.ru/news/2013-01-28/6635>



ских и изощренных западных провокаций, в мусульманском мире кое-где начала прививаться недоброжелательность в отношении к православным народам<sup>15</sup>.

А ссылка на конфликты в Чечне и Косово им отвергается как «следствие ваххабитских провокаций и национальных спекуляций»<sup>16</sup>.

Лемма Баширов из Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации подчеркивает важность православно-исламского «межконфессионального» диалога как для внутренней, так и для внешней политики. Он пишет:

Для Российской Федерации значимость исламо-православного диалога возрастает многократно потому, что ислам на ее территории не привнесен иммигрантами из традиционно исламских государств, он органичен, исторически укоренен среди народов-автохтонов задолго до православного христианства. Более четырех столетий на территории РФ развивается уникальная евразийская цивилизация, в которой православные христиане и мусульмане играют основную роль<sup>17</sup>.

Сенатор от Ингушетии Ахмед Паланкоев рассматривает союз православия и ислама как основу российской геополитики<sup>18</sup>.

Однако, когда мы опускаемся ниже в православной иерархии и рассматриваем восприятие ислама простыми епископами, священниками, богословами и мирянами, картина значительно усложняет-

<sup>15</sup> «Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир: "...А друзей искать на Востоке"», *Исламский информационный портал*, 25 апреля 2011, доступно на: <http://www.islam.ru/content/analitics/1342>

<sup>16</sup> «Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир: Террорист не может быть верующим», *Российская газета*, 29 октября 2009, доступно на: <http://www.rg.ru/2009/10/29/mitropolit.html>

<sup>17</sup> Л. А. Баширов, «Православно-исламские взаимоотношения в современной России: проблемы и перспективы диалога», в: *Регионоведение*, №3, 2008, доступно на: <http://regionsar.ru/node/166>

<sup>18</sup> Ахмет Паланкоев, «Союз православия и ислама – основа российской геополитики», *Islam News*, 13 февраля 2014, доступно на: <http://www.islamnews.ru/news-144303.html>

ся. Здесь мы часто можем услышать обвинения ислама в экстремизме и терроризме, и следы враждебности и ксенофобии становятся весьма заметными. Диакон Андрей Кураев считает, что ислам ответственен за религиозный терроризм<sup>19</sup>. Популярный православный священник Даниил Сысоев был известен своими антиисламскими высказываниями и прозелитизмом среди мусульман. Он был убит в своей церкви в Москве в 2009 году. Александр Верховский цитирует высказывания радикальных православных идеологов, которые видят конфликт между православием и исламом и предупреждают об исламской угрозе: Евгений Никифоров, редактор православного журнала «Радонеж», пишет: «В то время как христианский Бог жаждет каждого привести ко спасению, в исламе Аллах играет с людьми!»; Сергей Григорьев, редактор интернет-портала «Русская линия», считает, что «Магомет – антихрист»; Анатолий Иванов из «Русского вестника» утверждает, что «над Россией сегодня навис мусульманский ятаган»<sup>20</sup>.

Большинство экспертов считают, что исламофобия в России растет. Планы по строительству новых мечетей в немусульманских регионах часто встречают противодействие со стороны местного населения (как, впрочем, и планы по строительству новых церквей). Публичное празднование мусульманских праздников также часто вызывает негативную реакцию. Обычные люди в своей массе сопротивляются незнакомой и непривычной традиции, в то время как более образованный клир старается защитить традиционную православную культуру и духовность, они выступают против исламского прозелитизма и говорят, что Господь привел мусульманских мигрантов в Москву не для того, чтобы они здесь ходили в мечети, а чтобы они узнали о православии<sup>21</sup>. Многие боятся, что новые мечети могут стать центрами радикализма и экстремизма. Открытые

---

<sup>19</sup> См., например: <http://www.45-90.ru/blogs/andros/o-andrei-kuraev-o-nasili-v-islame-prodolzhenie-temy.html>

<sup>20</sup> Александр Верховский, *Политическое православие*, М., 2003, с. 43-44.

<sup>21</sup> Диакон Георгий Максимов, «Строительство мечети и промысел Божий о мусульманах», *Православие и мир*, 16 сентября 2010, доступно на: <http://www.pravmir.ru/promysel-bozhij-o-musulmanax/>

дискуссии в интернете показали, что люди – и церковные, и нецерковные – в целом не любят мечети и мусульман<sup>22</sup>.

Борис Фаликов замечает, что православие и ислам могут усиливать этнические и националистические противоречия в России:

Когда вера становится одним из атрибутов национальной принадлежности, она широко открывает двери национализму, а то и откровенной ксенофобии. ... Мы имеем две религии, лидеры которых любят рассуждать о своей колоссальной миротворческой роли, а на деле педалируют у паствы сознание национального и этнического превосходства. В такой стране, как Россия, это все равно, что держать зажженную свечу в пороховом погребе<sup>23</sup>.

На бытовом уровне часты взаимные эмоциональные обвинения, похожие на карикатуры: русские нередко воспринимают мусульман (особенно мигрантов) как отсталых, плохо образованных религиозных фанатиков, в то время как русские последними видятся как нечестные и ленивые пьяницы. При всей абсурдности таких обвинений они отражают растущую враждебность православных и мусульманских общин.

Некоторые эксперты в области русского ислама пытаются объяснить причины этой враждебности и радикализации ислама и приводят примеры положительного развития взаимоотношений<sup>24</sup>, но, к сожалению, они немногочисленны и не могут изменить общий тренд.

Архиепископ Анастасий Яннулатос, с наблюдений которого мы начали эти заметки, предлагает несколько пунктов, которые могут быть полезны для христианско-мусульманского диалога. Он пишет о специальном вкладе православных и подчеркивает их тесные связи с мусульманами с самого начала, общее культурное пространство.

---

<sup>22</sup> «Хотят ли русские мечеть», *Православие и мир*, 26 ноября 2010, доступно на: <http://www.pravmir.ru/xotyat-li-russkie-mechet/>

<sup>23</sup> Борис Фаликов, «Свечка в пороховом погребе», *Газета-ру*, 23 декабря 2012, доступно на: [https://www.gazeta.ru/comments/2012/12/23\\_a\\_4903917.shtml](https://www.gazeta.ru/comments/2012/12/23_a_4903917.shtml)

<sup>24</sup> См., например, Алексей Журавский в: «Хотят ли русские мечеть», *Православие и мир*.

«Из всех живущих религий ислам – самая близкая, как духовно, так и географически, к православному христианству». Он напоминает нам, что Коран впитал и переформулировал многие христианские концепции, «как они были поняты Мухаммедом через его опосредованный контакт с восточным христианством», что «суфийское движение многим обязано диалогу, который существовал между мусульманами и монахами Восточной церкви». И он подчеркивает, что «поскольку православные так долго сосуществовали с мусульманским миром – это можно было бы назвать “живым диалогом”, – они могут предложить значительную степень баланса современному христианско-исламскому диалогу: они могут предложить свидетельство своего собственного страдания и ту цену, которую они заплатили как результат преследований со стороны мусульман», страдание (совместно с мусульманами) от крестовых походов, страдание теперь многих местных православных церквей в некоторых мусульманских государствах<sup>25</sup>.

Опыт сосуществования на протяжении длительных исторических периодов, опыт страдания – и друг от друга, и от внешних врагов – это, безусловно, важное основание для развития плодотворного диалога. Жаль, что используемые при этом аргументы иногда сводятся к положению «мы оба пострадали от Запада и теперь должны ему совместно противостоять». Как уже отмечалось выше, диалог «восток-восток» (православно-исламский в этом случае) удастся в России значительно лучше, чем диалог «восток-запад». Культурная, историческая и даже духовная близость православия и ислама очень важна для диалога между ними. Это также делает их хорошими партнерами в триалоге с государством. Однако, к сожалению, неочевидно, как перенести это несомненное преимущество на популярный уровень и уменьшить взаимное недоверие и даже враждебность. Безусловно, диалог на высоком религиозно-политическом уровне очень важен, но еще важнее работать на других уровнях, чтобы уменьшить исламофобию и увеличить взаимопонимание и толерантность.

---

<sup>25</sup> Archbishop Anastasios (Yannoulatos), “Dialogue with Islam from an Orthodox Point of View”, p. 119-123.

## Хрестоматия по христианско-исламскому диалогу

Представляя русскоязычному читателю Хрестоматию по христианско-исламскому диалогу, мы надеемся, что она будет способствовать лучшему взаимопониманию христиан и мусульман в России. Она освещает основные темы, важные для представителей обеих религий, каждая тема при этом рассматривается с разных точек зрения, включая основные христианские конфессии и различные ветви ислама. Среди авторов – хорошо известные мусульманские и христианские богословы, религиоведы, философы и антропологи. Большое внимание уделяется основам христианско-исламского диалога, связи Библии и Корана, пониманию Бога и человека в исламе и христианстве и различным аспектам жизни религиозных общин в современном обществе.

Исходя из широкого спектра тем и небольшого объема книги, авторы должны были ограничиться изложением лишь основных вопросов и проблем. После каждой главы предлагается литература для дальнейшего чтения и, там, где это возможно, мы даем ее на русском языке. Кроме того, в русское издание вошли некоторые дополнительные материалы, которые будут полезны нашему читателю.

Мы надеемся, что эта книга, хотя бы в малой степени, поможет развитию партнерского диалога и научной базы для него, о необходимости которых говорит Ганс Кюнг.

*Алексей Бодров,*  
Москва, ноябрь 2017 г.

### Для дальнейшего чтения

Роллин Армур, *Ислам и христианство. Непростая история*, М.: ББИ, 2004.

Лейла Демири, ред., *Общее слово. Текст и размышления*, М.: ББИ, 2018.

Жозеф Доре, ред., *Христианство, иудаизм и ислам. Верность и открытость*, М.: ББИ, 2004.



Алексей Журавский, *Очерки христиано-мусульманских отношений: хрестоматия для теологического, религиоведческого и других гуманитарных направлений и специальностей высших учебных заведений*, М.: СФИ, 2015.

———, сост., *Христиане и мусульмане. Проблемы диалога. Хрестоматия*, М.: ББИ, 2000.

Бернард Луис, *Ислам и Запад*, М.: ББИ, 2003.

*Islam and Christian-Muslim Relations*, Vol. 28, No.2, 2017. Этот выпуск журнала, выходящего в Бирмингемском университете, посвящен исламу в России и его взаимоотношениям с РПЦ.

# Из предисловия к немецкому изданию

## Что означает диалог?

Понятие «диалог» – ключевое в этом сборнике. Мы, редакторы и издатели, понимаем это понятие в широком смысле слова, которое не ограничивается только профессиональным арго экспертов, но включает в себя разнообразные возможности контактов и встреч. Иногда мы будем различать между диалогом жизни и действия, богословского обмена идеями и духовного опыта, чтобы проиллюстрировать многообразие аспектов, связанных с этим понятием.

Однако не следует недооценивать плоскость профессионального арго представителей различных религиозных сообществ. Видные деятели и представители церквей и общин мечетей или мусульманских объединений могут открыто обсуждать вопросы и проблемы и тем самым посылать публично зримый сигнал, что и каким образом возможно для совместной работы и достижения взаимопонимания.

Слово «диалог» подразумевает как разговор, так и слушание. Во многих ситуациях повседневности и то и другое является важным навыком, заключающимся в умении выражать собственные убеждения так, чтобы они могли быть поняты и восприняты должным образом, и одновременно в готовности, открытости и желании понимать убеждения других. Во многих конфликтных ситуациях – в семье и между соседями, включая и международную политику, – собеседования и переговоры являются единственной возможностью прийти к пониманию и разрешению проблем, удовлетворяющему все стороны и избегающему насилия. Приглашающий жест, слово признания, чуткая реплика, уважение к другим, их убеждениям и религиозным и культурным традициям, порядочность и вежливость – все это может создавать культуру общения, которая укрепляет людей в совершении добрых дел и преодолении неприязни и конфликтов. Христианство и ислам предоставляют важные источники убеждений, поведенческих норм и духовности, имеющих своей целью мирное сосуществование, проистекающее из любви к Богу и любви к ближним.

Но наряду с возможностями и шансами собеседований и диалога нельзя упускать из виду также их асимметричность, затруднения и границы, чтобы не превратить понятие диалога ни в панацею, ни в инструмент борьбы. Диалог должен быть желанным для обеих сторон и вестись на добровольных началах. Ведь зачастую участвующие стороны выступают неравными партнерами с точки зрения ресурсов, влияния и силы. Диалог может превратиться в фарс, когда в разговоре не позволено затрагивать несправедливые структуры и разделение власти. Он будет непродуктивным и тогда, когда из вежливости или робости перед лицом конфликта не касаются подлинных проблем, а лишь обмениваются любезностями, которые могут создавать полезный микроклимат, но не устраняют напряженности и агрессивности, прячущихся за кулисами улыбок.

Возможности диалога существенно сужаются там, где люди стремятся непоколебимо отстаивать только свое собственное мнение. Ненависть, фанатизм, всезнайство и несговорчивость также мало способствуют диалогу, как и экстремистские убеждения, нацеленные на то, чтобы изображать другую сторону подозрительной, бороться с ней или брать над ней верх каким-то иным способом. Разумеется, нелегко давать оценку, когда агрессивные высказывания или манеру поведения разбирают профессиональные посредники, полиция или прокуратура, чтобы принимать меры против оскорблений или правонарушений. Ни в коем случае проведение диалога недопустимо там, где из вежливости или ложно понимаемой толерантности с той или другой стороны допускаются ненависть и нетерпимость. Поэтому открытость к диалогу подразумевает не только готовность считаться с наличием разных норм поведения и убеждений и прислушиваться к ним, но и осознанно взыскательно относиться к основополагающим ценностям и поведенческим нормам, которые необходимы, чтобы направлять взаимодействие в конструктивное русло и способствовать словом и делом культуре веротерпимости и ненасилия.

*Фолькер Майснер, Мартин Аффельдербах, Хамидех Мохазеги и  
Андреас Ренц*

Мюльхайм-ан-дер-Рур / Нюрнберг / Ганновер / Мюнхен,  
март 2014 г.



# 1. Основоположения



# 1.1

## Подходы к христианско-исламскому диалогу с католической точки зрения

*Андреас Рени*

### Исторический обзор: конфронтация и полемика

Католическая церковь долгое время воспринимала ислам как военную угрозу на Западе (Иберийский полуостров, южная Франция), Юге (Сицилия, южная Италия) и Юго-востоке Европы, а в лучшем случае как конкурирующую религию. Поскольку в Библии не содержится никаких готовых суждений об исламе, христианское богословие оставалось в растерянности перед лицом наступающего ислама. Первые католические богословы, занимавшиеся вопросами ислама, как, например, архиепископ Евлогий Толедский (ум. 859) или его современник мирянин из Кордовы Павел Альварус (ум. 861), полностью находились под впечатлением военного противоборства и исламского иностранного владычества. Их знания об исламе были скудными, их контакты преследовали чисто апологетический интерес. То же самое наблюдается у более поздних богословов, таких как Петр Достопочтенный (1094–1156) или Фома Аквинский (1225–1274). Poleмика доминировала в течение столетий, а ислам интерпретировался как христианская ересь или как предвестник антихриста.

С началом католического отвоевания Испании (реконкиста) и крестовых походов, в которых пропагандировалась идеология «священной войны» и христианского рыцарства в борьбе за Христа и церковь, католическо-исламские отношения полностью преобразились в негативные. Святой Франциск Ассизский (1181–1226) сопровождал рыцарей-крестоносцев в пятом крестовом походе на

Египет, но в отличие от многих своих современников он не следовал идеологии крестовых походов, а хотел встречать мусульман с мирными намерениями и смиренно, хотел вести с ними диалог жизни. Так, у Франциска наблюдается интересный процесс изучения: «Правда, его проповедь оказалась безуспешной, однако Франциск, должно быть, столь впечатлился примером исламского войска, пять раз в день падавшего ниц для совершения ритуальной молитвы, что просил своих братьев призывать в определенные часы дня всех верующих голосом или колоколами к славословию Бога. В характеризуемом враждебностью по отношению к исламу христианском мире Франциск видел в молитвенном прославлении Вседержителя связующий мост» (Sekretariat der Deutschen Bischofskonferenz, Leitlinien für das Gebet, 2008, 13). Некоторые другие, подобно Раймунду Луллию (1232–1316) или Николаю Кузанскому (1401–1464), прилагали усилия к мирному состязанию с мусульманами.

Явственно выраженных высказываний церковного вероучения об исламе практически не существовало до II Ватиканского собора, разве что в послании папы Григория VII от 1076 года звучит неожиданное высказывание о том, что христиане и мусульмане, хотя и различным образом, но молятся одному Богу. Флорентийский собор (1442) открыто не упоминает мусульман, хотя определяет обязательным вероучение, что «ни язычник, ни иудей, ни неверующий или отпавший от единства, будучи причастным вечной жизни, вернее попадет в вечный огонь, приуготовленный диаволу и ангелам его, если перед смертью не присоединится к ней [Католической церкви]» (Denzinger, Kompendium, 2005, Randziffer 1351). Мусульмане здесь причисляются к язычникам и неверующим, которые вкупе исключаются из истинного боговедения и спасения.

Такое эксклюзивистское понимание спасения было определяющим в католическом учении и богословии вплоть до XX века. Открытые предложения, такие как у фламандского богослова Альберта Пигге (1490–1542) или иезуита Хуана де Луго (1583–1660), исходившие из возможности спасения мусульман в силу их веры в Бога, долгое время оставались исключением (ср. Renz, Kirche, 2014, 44f). Только изменившаяся герменевтика Библии и традиции, научное исследование ислама современным востоковедением и, наконец, поменявшееся

ся самопонимание Католической церкви, что существенно обязано таким отдельным первопроходцам, как Луи Массиньон (Massignon) и Георг Анавати (Anawati), в течение XX столетия привело также к изменению установки и переопределению отношения к исламу.

## Новая установка II Ватиканского собора: уважение

Начиная со II Ватиканского собора (1962–1965) Католическая церковь в ходе аджорнаменто (обновления) вступила в диалог с миром, а тем самым и с другими религиями. Уже в своей вступительной энциклике *Ecclesiam Suam* от 1964 года папа Павел VI признал ислам монотеистической религией и позиционировал его в особой близости к церкви. В двух документах соборного присутствия озвучивается этот новый подход: в догматической конституции о церкви *Lumen Gentium*, а также в декларации об отношении церкви к нехристианским религиям *Nostra aetate*<sup>1</sup>.

Притом *Nostra aetate* §3 следует читать в контексте основополагающего высказывания *Lumen Gentium* §16: там констатируется, что спасительная Божья воля объемлет также тех, «кто признает Творца, и среди них прежде всего мусульман, которые, исповедуя свою приверженность вере Авраама, вместе с нами поклоняются Богу единому, милосердному, который будет судить людей в последний день». Согласно этому утверждению мусульмане находятся в истинном и спасительном отношении к единому, всемогущему и милосердному Богу, которого христиане исповедуют как триединого. В латинском подлиннике слово «*nobiscum*» (с нами) заключает в себе решающее высказывание: этим словом собор письменно фиксирует для католического богословия, что христиане и мусульмане (вместе с иудеями) молятся одному и тому же Богу, даже если существуют различия в понимании Бога, которые обозначены не здесь, а по крайней мере в *Nostra aetate* §3. Тем самым собор одновремен-

---

<sup>1</sup> Русский перевод этих документов см. в: Алексей Журавский, сост., *Христиане и мусульмане, Проблемы диалога. Хрестоматия*, М.: ББИ, 2000, глава 1. – *Здесь и далее примечания переводчика и редактора.*

но преодолел тот дособорный эксклюзивизм в понимании спасения и включает мусульман (и других) в спасительную волю Божию (инклюзивизм), не считая, однако, все религии равноценными путями спасения.

*Nostra aetate* §2 подчеркивает, что Католическая церковь не отвергает все то, что «истинно и свято» в других религиях и призывает католиков, «чтобы в беседе и сотрудничестве с последователями иных религий они, свидетельствуя о вере и христианской жизни, в то же время признавали, хранили и поддерживали обнаруживаемые у них духовные и нравственные блага, а также социально-культурные ценности». *Nostra aetate* §3 более обстоятельно обращается к вере мусульман: соответственно, церковь «с уважением» относится к мусульманам – это совершенно новая установка, которая, в отличие от господствовавшего в течение предшествовавших тринадцати столетий пренебрежения или даже презрения к мусульманам и их вере, впервые создала необходимую предпосылку для непредвзятой оценки ислама, а также для подлинного диалога между равноправными партнерами. Это установка, обнаруживающая присутствие Божье у других!

Подобно *Lumen Gentium* §16 и вполне сообразно исламскому самопониманию, *Nostra aetate* §3 помещает монотеистическое вероисповедание мусульман в начало, а тем самым и в сердцевину своих высказываний, причем упоминаются свойства Божьи, общие для христианской и исламской веры: мусульмане молятся единому Богу, «живому и сущему, милосердному и всемогущему, Творцу неба и земли» (ср. сура 2, 255). То, что этот Бог согласно исламскому убеждению «говорил к людям», формулируется в *Nostra aetate* §3, однако Коран, подобно *Lumen Gentium* §16, так же сознательно мало упоминается, как роль и притязание Мухаммеда быть пророком и религиозно-этическим примером для мусульман. До сих пор отсутствует официальная католическая позиция по отношению к Корану и Мухаммеду.

Наряду с верой во всемогущего и милосердного Бога-Творца мусульмане «всей душой стремятся подчиниться [даже сокровенным определениям Бога], как подчинился Богу Авраам, на которого охотно ссылается исламская вера». Такой формулировкой точно

выражается значение слова «ислам», то есть всецелая и исключительная преданность Богу, а также исламское самопонимание. Дальнейшее сходство отцы собора усматривают в вере в воскресение мертвых, Страшный суд и воздаяние по делам. Тем самым в неявной форме говорится о линейном понимании истории, а также о смысле и ценности индивидуальной человеческой жизни на земле, что является общим для христианства и ислама.

Дальнейшим мостом к взаимопониманию между христианами и мусульманами *Nostra aetate* §3 считает почитание Девы Марии (ср. сура 19, 19-21<sup>2</sup>), которую мусульмане «иногда даже благочестиво призывают». Решительное различие между христианством и исламом затрагивается лишь в придаточном предложении: хотя Иисус почитается мусульманами как пророк, но не признается как Бог. Точнее следовало бы сказать, как вочеловечившееся Слово Божье. Тем самым подразумевается, что в исламе допускается критика и отклонение тринитарного учения (ср. сура 112<sup>3</sup>). Другой спорный пункт не упоминается в сборном заявлении: традиционное исламское богословие отрицает ссылкой на суру 4, 157<sup>4</sup> крестную смерть, а тем самым спасительное значение смерти Иисуса Христа на кресте. Это умалчивание следует понимать только в контексте заявленного в *Nostra aetate* §1 намерения сильнее подчеркивать сходства, чем различия. Наконец, отдается должное мусульманскому стремлению к

---

<sup>2</sup> «Он сказал: “Я только посланник Господа твоего, чтобы даровать тебе мальчика чистого”. Она сказала: “Как может быть у меня мальчик? Меня не касался человек, и не была я распутницей”. Он сказал: “Так сказал твой Господь: “Это для Меня – легко. И сделаем Мы его знаменем для людей и Нашим милосердием”. Дело это решено”» (здесь и далее перевод И. Крачковского). См. также Алексей Журавский, «Мария в Коране и мусульманской традиции», *Мир Библии*, 7 (2000), с. 64-70.

<sup>3</sup> «Скажи: “Он – Аллах – един, Аллах, вечный; не родил и не был рожден, и не был Ему равным ни один!”»

<sup>4</sup> «... они не убили его и не распяли, но это только представилось им; и, поистине, те, которые разногласят об этом, – в сомнении о нем; нет у них об этом никакого знания, кроме следования за предложением. Они не убивали его, – наверное, нет, Аллах вознес его к Себе: ведь Аллах велик, мудр!» См. также Алексей Журавский, «Иисус в Коране», *Мир Библии*, 4 (1997), с. 89-95.

«нравственной жизни», а также религиозной практике молитвы, милостыни и поста. Это важные, хотя и не полностью перечисленные, столпы ислама, соотносимые с христианской практикой веры.

Последний раздел *Nostra aetate* §3 призывает предать забвению злосчастную историю христианско-исламской вражды и вместо этого радеть о взаимопонимании и «поддерживать ради всех людей социальную справедливость, нравственные ценности, мир и свободу». Таким образом, эта декларация является католической *Magna Charta* для диалога с мусульманами, которая и поныне не утратила свою актуальность и значение для церкви и общества.

## Послесоборная церковь: братский диалог на службе миру и справедливости

Уже во время собора (1964) папа Павел VI учредил Секретариат по делам нехристиан как ватиканское ведомство (дикастерию Римской курии), которое должно было вести диалог с другими религиями и содействовать ему. В 1988 году секретариат был переименован в Папский совет по межрелигиозному диалогу, имеющий собственную подкомиссию по диалогу с исламом. В базовом документе «Диалог и проповедь» (1991) различаются следующие плоскости и цели межрелигиозного диалога, относящиеся также и к христианско-исламскому диалогу:

а) «Диалог жизни, в котором люди намерены совместно пребывать в открытой и добрососедской атмосфере, разделяя друг с другом радость и страдание, свои человеческие проблемы и тяготы.

б) Диалог действия, в котором христиане и нехристиане вместе трудятся ради широкоохватного развития и освобождения людей.

с) Диалог богословского обмена, в котором специалисты углубляют свое понимание собственного религиозного наследия в современную эпоху и учатся уважать ценности друг друга.

д) Диалог религиозного опыта, в котором люди, укорененные в своей собственной религиозной традиции, делятся своим духовным богатством, например, что касается молитвы и медитации, веры и поиска Бога, или Абсолюта» (№ 42).



Диалог в этих плоскостях предполагает обоюдное признание религиозной свободы. Базируясь на этих основоположениях, Католическая церковь, начиная с папы и вплоть до уровня церковных общин, ведет сегодня диалог с исламом и мусульманами. Стало привычным, что папы во время своих пастырских визитов постоянно встречаются с представителями мусульманских сообществ и обращаются к ним в своих выступлениях и при других обстоятельствах. При этом высказывания собора не только учитываются, но и содержательно углубляются. Папа Иоанн Павел II, первый папа, посетивший мечеть и молившийся в ней (2001 г. в Дамаске), обратился к мусульманским участникам одного симпозиума в 1985 году со следующими словами: «Наш и ваш Бог – один и тот же, и мы являемся братьями и сестрами в вере Авраама» (цитата по: Renz / Leimgruber, Christen, 2009, 88). Никакой папа до него не уделил большего внимания диалогу с исламом.

Сильнее, чем Иоанн Павел II, папа Бенедикт XVI подчеркивал, наряду с общим, также и различия между религиями. Его лекция в Регенбургском Университете осенью 2006 г. в результате злополучного цитирования средневековой полемики привела поначалу к негативным последствиям во взаимоотношениях с исламским миром. Однако собственным и оправданным стремлением папы было подчеркивание взаимосвязи религии и разума и объявление насилия противным разуму и религии. Это выступление папы и два открытых письма мусульманских ученых (► Основоположения, глава 1.3) послужили толчком к возникновению Католическо-мусульманского форума, который в своем совместном заявлении от 2008 года в том числе констатирует: «Мы исповедуем, что католики и мусульмане призваны быть среди верующих людей и для человечества в целом орудиями любви и гармонии, отказывающимися от притеснения, агрессивного насилия и терроризма в любой форме, прежде всего от тех, которые совершаются во имя религии, и дорожащими принципом справедливости для всех» (Католическо-мусульманский форум, Итоговое заявление, 2008, 38).

В заключение можно вместе с собором сказать: Католическая церковь ведет диалог с исламом соответственно «своей обязанности развивать единство и любовь между людьми и даже между народами» (*Nostra aetate* 1).



### Для дальнейшего чтения

Джузеппе Альбериги, Алексей Бодров и Андрей Зубов, ред., *История II Ватиканского собора*, т. IV, М.: ББИ, 2007, с. 622, 677, 680.

Алексей Журавский, «Иисус в Коране», *Мир Библии*, 4 (1997), с. 89-95.

——— ред., *Ислам и христианство: на пути к диалогу. К 40-летию принятия декларации “Nostra aetate”* М.: ББИ, 2006.

———, «Мария в Коране и мусульманской традиции», *Мир Библии*, 7 (2000), с. 64-70.

———, сост., *Христиане и мусульмане. Проблемы диалога. Хрестоматия*, М.: ББИ, 2000, глава 1.

Christlich-islamische Begegnungs- und Dokumentationsstelle (CIBEDO) (Hg.), *Die offiziellen Dokumente der katholischen Kirche mit dem Islam*, zusammengestellt von Timo Güzelmansur, Regensburg 2009.

Renz, Andreas, *Die katholische Kirche und der interreligiöse Dialog. 50 Jahre «Nostra aetate» – Vorgeschichte, Kommentar, Rezeption*, Stuttgart 2014.

Renz, Andreas / Leimgruber, Stephan, *Christen und Muslime. Was sie verbindet – was sie unterscheidet*, München 32009.

Siebenrock, Roman, *Theologischer Kommentar zur Erklärung über die Haltung der Kirche zu den nichtchristlichen Religionen Nostra aetate*, in: Hünermann, Peter / Hilberath, Bernd Jochen (Hg.), *Herders Theologischer Kommentar zum Zweiten Vatikanischen Konzil*, Bd. 3, Freiburg 2005, 591-693.

Vöcking, Hans (Hg.), *Nostra aetate und die Muslime. Eine Dokumentation*, Freiburg i. Br. 2010.